

Въ такомъ пособіи, — говоритъ Кудрявцевъ далѣе, — лицо Данте, можетъ быть, нуждалось болѣе многихъ другихъ. Оно слишкомъ долго было заслонено его же твореніемъ, а съ другой стороны, Данте слишкомъ рано начали объяснять подстрочнымъ толкованіемъ его твореній, разбирая ихъ по частямъ, отчего не могло не потерпѣть много органическое пониманіе цѣлаго. Выжавъ и расплотивъ все, что есть въ „Божественной Комедіи“ загадочнаго и таинственнаго, комментаторы превратили и самое лицо Данте въ какой-то едва осязаемый мистическій образъ.

Раскрывъ въ этомъ загадочномъ образѣ дѣйствительныя, человѣческія черты великаго поэта, новые біографы его, особенно Вегеле, сдѣлали для себя возможнымъ исполненіе второй своей задачи — объяснить изъ жизни самыя его творенія. Въ этомъ Кудрявцевъ видитъ другую заслугу ихъ. До сихъ поръ мало думали о томъ, чтобы возстановить полное единство между жизнью и твореніями великаго писателя; до сихъ поръ посторонній зритель имѣлъ предъ собою какъ бы два плана и на каждомъ изъ нихъ особенное изображеніе. Вегеле же взялъ на себя трудъ изобразить жизнь писателя именно съ тою цѣлью, чтобы по возможности открыть въ ней истинные мотивы его нравственныхъ и другихъ убѣжденій, которыя отразились въ его произведеніяхъ; въ твореніяхъ Данте отыскались для него живые слѣды тѣхъ стремленій, которыя занимали флорентинскаго гражданина болѣшую часть его жизни. Человѣкъ познакомилъ его съ писателемъ, писатель разъяснилъ ему человѣка. Но если произведенія поэта помогли изслѣдователю лучше разъяснить различные душевныя состоянія, пережитія Данте въ разное время, то эти же произведенія: „Новая жизнь“, „Пиръ“, „Монархія“, равно какъ и „Божественная Комедія“, представились ему идеальнымъ ея отраженіемъ. И Кудрявцевъ, на основаніи труда Вегеле, приходитъ къ выводу: „геніальное творчество въ искусствѣ, повидимому все обращенное къ будущему, часто есть только полѣйшее и совершеннѣйшее воспроизведеніе самой современности художника“.

Понятно послѣ того, какъ Кудрявцеву хотѣлось „со словъ новыхъ изслѣдователей пересказать русскимъ читателямъ жизнь великаго флорентинца“. Какъ многое другое, такъ и это предположеніе ему не удалось осуществить. Напечатанный имъ трудъ, хотя достаточно объемистый — 132 стр. — заключаетъ въ себѣ не болѣе какъ *дѣтство и юность Данте*. Можетъ быть, слѣдуетъ не столько объ этомъ сожалѣть — ибо въ дѣтствѣ и юности Данте Кудрявцевъ нашелъ самыя симпатичныя для себя мотивы, встрѣтился съ тѣми чувствами поэта, которыя онъ наилучше умѣлъ